

Сретенская и Борисоглебская стороны Ростова: происхождение и локализация

С.В. Городилин

Сретенская (Устретенская) и Борисоглебская стороны или половины Ростова упоминаются в связи с политической историей Ростовского княжества XIV – XV вв. и с его подчинением и присоединением к Москве¹.

А.В. Экземплярский указал на сообщение, по которому князья Федор и Константин Васильевичи поделили между собой Ростов и, по мнению ученого, «конечно, все остальные земли с их селениями, составлявшие прежде Ростовское княжество»². Старший, Федор, получил Сретенскую сторону, а младший, Константин, Борисоглебскую. По гипотезе, раздел, несмотря на размножение рода, сохранялся неизменным до продажи в 1474 г. потомками Константина своей «половины Ростова съ всем» Ивану III³. Автор, отметив, что летописи молчат о дате раздела, установил ее по «Родословной книге» – 1328 г. (заметим, что и самого факта раздела и названий сторон нет в указанных А.В. Экземплярским летописях и они тоже взяты им из родословных)⁴.

Это мнение приняли А.Е. Пресняков (со ссылкой на «родословное предание ростовских княжат») и М.К. Любавский⁵. Переход к Москве первой половины Ростова относился к Василию Дмитриевичу или к Василию Темному.

Специально эту тему затронул В.А. Кучкин⁶. Корректируя гипотезу А.В. Экземплярского, он указал на ошибочность датировки раздела 1328 г., возникшей в поздних списках родословных из-за смешения события с летописной датой свадьбы Константина Васильевича. Им предложена новая схема, по которой раздел между Федором и Константином произошел между 1328 и 1331 гг., а затем ок. 1331 г. Сретенскую половину получил московский князь. Иван Данилович, согласно автору, добыл на нее в Орде ярлык, присоединив к великому княжению, в результате предполагаемой после смерти Федора усобицы между Константином и Андреем Федоровичем. Как и предшественники, В.А. Кучкин связал раздел с политикой Калиты, выдавшего дочь за младшего ростовского князя и осуществившего в Ростове какие-то жесткие действия, описанные в Житии Сергия Радонежского: за год по Федорчуковой рати «наста насилование, сиречь княжение великое досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталося княжение ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем ихъ, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве». По мнению В.А. Кучкина, тут содержится сообщение о переходе Сретенской половины

Ростова под московскую власть, искаженное «ошибками», «противоречиями и неточностями» и «публицистической запальчивостью» Епифания, записавшего воспоминания об этих событиях много десятилетий спустя⁷. Другим доводом в пользу гипотезы о получении Сретенской половины Калитой назван летописец кон. XVI в. из собр. И.Е. Забелина, где после известия о покупке Иваном III половины Ростова сказано, что «первая же половина Ростова к Москве соединися при великом князе Иване Даниловиче»⁸. С 1331 г. гипотетическая власть Москвы над половиной княжества сохраняется до его полного присоединения, кроме периода 1360-1363 гг., когда князь Константин Васильевич, воспользовавшись переходом великого княжения к Дмитрию Суздальскому, ненадолго восстановил суверенитет над «всем Ростовом».

Гипотеза о разделе Ростовского княжества на половины со времени Федора и Константина стала общепринятой. Споры шли лишь о дате перехода Сретенской половины к Москве и о содержании прав владельцев половин — была ли разделена территория, или только судебные и фискальные полномочия. Самая радикальная идея высказана С.В. Стрельниковым с опорой на буквальное прочтение Жития Сергия: в 1331 г. Москва получила не половину, а все княжество⁹. Эта гипотеза, противоречащая летописям, отражающим суверенитет Ростова как минимум во втор. трети XIV в., вызвала обоснованную критику В.Д. Назарова¹⁰.

Наиболее ранний текст сообщения о разделе Ростова содержат сопровождающие Типографскую летопись родословные материалы: «родъ князей Ростовскихъ пошоль надвое отъ дву братьовъ отъ Васильевичевъ: отъ княз[я] Феодора да отъ князя Костянтина. Досталас[я] Устретенская сторона города большому брату, князю Феодору Васильевичю... А Борисоглебская сторона города досталась меньшому брату князю Константину»¹¹. В плане генеалогии ростовских князей, отраженной летописями, известие не вызвало сомнений у исследователей. Но, как отмечалось, стороны Ростова не упомянуты ни в одном источнике кроме родословных. Лишь в Типографской и Воскресенской летописях под 1474 г. говорится о продаже половины (а не стороны!) Ростова без указания ее характера и названия¹².

В.А. Кучкин попытался выяснить расположение сторон, исходя из исторической топографии. Опираясь на изданный А.А. Титовым план Ростова на нач. XVIII в., исследователь предположил связь их названий с городскими церквями, и указав ц. Бориса и Глеба на княжьем дворе, связал с ней одноименную половину, отметив, что церковь и Борисоглебская половина находятся «в западной части крепости, а Сретенская — вероятно, в восточной» (ц. Сретения на плане нет)¹³. Больше никто из ученых к источникам о сторонах Ростова прямо не обращался.

Новые данные позволяют вновь поднять этот оцениваемый как «сложный для реконструкции» вопрос, «решение которого из-за недостатка источников затруднительно»¹⁴.

В существующей в Ростове ц. Николы на Всполье есть придел Сретения, а в сер. XVIII в. на ее месте был комплекс из двух церквей – Никольской и Сретенской¹⁵. По зафиксированной в XIX в. традиции, ранее там был Сретенский монастырь¹⁶. С.В. Стрельников издал грамоту княгини Феодоры нач. XV в., позволившую публикатору заключить, что этому монастырю были пожалованы треть с. Спасского и две пожни «кем-то из князей Сретенской линии (возможно Михаилом Андреевичем и его супругой)»¹⁷. Поскольку иные Сретенские храмы раннего периода в Ростове не известны, а здесь мы видим монастырь, запустевший и ставший посадским храмом, но сохранивший земли, полученные от князей именно Сретенской линии (в 1534/35 г. на них выдана тарханная грамота), возможно связать Николо-Сретенский комплекс храмов со Сретенской стороной Ростова¹⁸. Говоря о его посвящении, отметим, что на Сретенье умер родоначальник ростовских князей великий князь Константин Всеволодичь, а в Устюге именно день Сретенья был связан с судебными обычаями церковного управления¹⁹. Косвенно подтверждает гипотезу расположение рядом со Сретенским Андреевского монастыря, видимо, патронального для княжившего в Ростове в 1363–1409 гг. Андрея Федоровича (Сретенская линия), и наличие земельных вкладов в также близлежащий Богоявленский монастырь князей Сретенской линии при отсутствии их от князей Борисоглебской линии во все эти монастыри.

После выявления связи Сретенского монастыря, князей Сретенской линии и, возможно, Сретенской стороны Ростова встает вопрос о Борисоглебской стороне. Обе княжеские линии вроде бы были формально равны, столь же равноценны должны бы быть и стороны. Почему же тогда одна из них связана с небольшим монастырем на окраине, за рвом, на Сполье, а название второй восходит к единственной кроме собора Успения княжеской каменной постройке XIII в., расположенной в центре города, у княжьего и епископского дворов и соборной площади? Как храм, который должен быть общей святыней обеих княжеских ветвей, достался лишь одной? Никаких данных о связи церкви Бориса и Глеба именно с Борисоглебской линией князей нет. Гипотеза основана лишь на сходстве названий.

Возможно иное решение этой проблемы. Ростовский Борисоглебский монастырь со времен Василия Темного был под патронатом великих князей. Но и ранее он нуждался в покровителе и хотя бы в санкции на его основание, значимое событие, озаменованное посещением Ростова Сергием Радонежским. Из Повести о Борисоглебском монастыре известно: он основан «въ дни благочестиваго великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руси, в четвертое лето государства его, при священном митрополите Алексие всеа Руси, при Ростовском князе Константине и при епископе Игнатии Ростовском»²⁰. Монастырская традиция сохранила имя князя Константина Васильевича, действительно княжившего в Ростове до этого самого 1363 г. Очевидно, разрешение на устройство Борисоглебского монастыря дал

родоначальник Борисоглебской линии. Учитывая, что его правление в том же году прервано уобицей с племянником и с великим князем Дмитрием Ивановичем, завершившейся отъездом в Устюг и скорой смертью, сохранение в монастыре вопреки этим событиям памяти о нем, видимо, обусловлено связью и с его потомками — князьями Борисоглебской линии. Это находит подтверждения в архиве монастыря. К сожалению, вкладная книга 1586/87 г. не дает сведений о вкладчиках до времен Василия III. Но и с этого момента названы вклады князя А.Д. Ростовского — 30 руб., а по его смерти — сщ. Новое с деревнями, и вдовы Ю.И. Темкина-Ростовского, давшей по мужу и детям сщ. Олешково с деревнями. В монастырский синодик вписаны и князья Хохолковы-Ростовские. Все это — представители Борисоглебской линии. Единственный вклад в этот монастырь князя Сретенской линии И.Ф. Гвоздева-Ростовского относится лишь к 1570 г., когда разделение рода, восходившее к эпохе независимости, было неактуально, а Сретенского монастыря уже не существовало²¹. Вместе с тем отметим, что Борисоглебский монастырь получил от князя лишь небольшую сумму денег и вещи, а земля и мельничное место отданы Богоявленскому монастырю, ближе связанному с его предками²².

Таким образом, хотя сведений о формировании ранних земельных владений ростовских монастырей до нас не дошло, видна связь Сретенского монастыря с князьями Сретенской линии и Борисоглебского — с Борисоглебской. И вполне вероятным выглядит именование сторон города по двум расположенным за пределами Ростова, к северо-востоку и к юго-западу, княжеским монастырям, которые в кон. XIV — перв. пол. XV вв. были примерно равны и одинаково известны ростовцам²³. Подтверждаемое источниками, соотнесение ростовских сторон с монастырями, однако, явно имеет противоречия с гипотезой о разделе Ростовского княжества с 1331 г. и связи с этим Ивана Калиты.

Не углубляясь в историю текста родословных росписей ростовских князей, напомним, что содержащие его наиболее ранний список материалы дошли до нас в составе списка Типографской летописи 1530-х гг. (Синод. № 789). Происхождение их части, связанной с боярскими родами, С.Б. Веселовский отнес ко времени не ранее 90-х гг. XV в., а позднее М.Е. Бычкова датировала оформление комплекса этих материалов 1506-1507 гг.²⁴ Ранние редакции родословных книг, содержащие родословную роспись ростовских князей, датированы 1540-ми гг.²⁵ Их создание связано с принципами организации служебных назначений в Московском государстве. Они вобрали информацию, важную в местнических счетах, но как источник по более раннему периоду вынуждают к осторожности и к учету их особенностей. Сверка с другими источниками выявляет их ошибки и пропуски. В родословных отсутствуют упомянутые в актах и агиографическом источнике сыновья ростовского князя Юрия Ивановича и названный в грамоте княгини Феодоры внук Андрея Федоровича Ростовского Андрей Михайлович, упомянутый и в Ростовском соборном синодике²⁶. Это то, что

можно сказать по XV в., и что поддается проверке. То же самое и по XIV в. — в росписях нет, к примеру, известного летописям Юрия Александровича Ростовского, умершего в 1320 г.²⁷ Не зря В.А. Кучкин пишет, что родословные росписи являются «источником поздним, а потому не вполне надежным при воссоздании процесса развития и членения государственной территории Ярославского княжества в XIV в.»²⁸. То же самое и о Суздальско-Нижегородском княжестве: В.А. Кучкин критикует Н.М. Карамзина и А.В. Экземплярского за пользование родословными «позднего летописного памятника», «спутанными и противоречивыми», считая, что «опираться на них при решении родословных вопросов XIV в. нельзя»²⁹.

Так же, полагаю, стоит оценить и известие о разделе Ростова Федором и Константином: оно восходит к родословному преданию ростовских князей, но время его появления и степень достоверности вовсе не очевидны. Если отнестись к сообщению буквально, его основное содержание — лишь разделение со времен сыновей Василия Константиновича надвое княжеского рода, действительно подтверждаемое летописями. К родоначальникам линий возведено и владение сторонами города, существующими в период бытования родословного предания.

Вместе с тем нет подтверждений существования с 30-х гг. XIV в. раздела Ростовского княжества на половины в виде письменного договора, упоминаний в летописях, актах или отражения его следов в поздних источниках. Мы имеем дело с преданием, записанным лишь в XVI в. Как отмечал А.А. Зимин по поводу росписей, вошедших в родословец, бесспорна лишь их точность в отношении служб дедов и прадедов этого поколения³⁰. Считать сведения родословного предания абсолютно достоверными и восходящими к перв. трети XIV в. у нас нет явных поводов.

Летописи не зафиксировали никаких особенностей в политической истории Ростова в XIV в. — в 1331–1363 гг. княжеский дом возглавляет Константин Васильевич, далее произошла обычная усобица между дядей и племянником, поддержанным Москвой, и место дяди занял Андрей Федорович, правивший Ростовом в 1363–1409 гг.

Раздел княжения между Васильевичами возможен, но вряд ли мог сохраниться после смерти князя Федора: в 1331 г. Андрею Федоровичу 5 лет или еще меньше, бояре Федора, в их числе, видимо, отец Сергия Радонежского и названные в его Житии лица покидают Ростов, не видя там для себя там стабильности и перспектив³¹. Нет оснований полагать, что двадцать лет до свадьбы князя Андрея его гипотетической половиной управляли его тиуны, а дядя никак не вступался в это. Это противоречит традициям ростовских князей. Разделы между братьями оспаривались и пересматривались еще при их жизни, и даже завещание Глеба Васильковича не помешало в такой же ситуации изъятию Дмитрием Борисовичем у Михаила Глебовича завещанных тому волостей.

Гипотеза о том, что по смерти Федора его половину получил Калита, хотя и снимает отчасти это недоумение, но была бы приемлема лишь если

бы у Федора не было наследников. Но это не так. Кроме того, источники молчат о московском совладении в Ростове в XIV в.: о нем нет прямых упоминаний, неизвестно о поездках туда великих князей, об их наместниках, боярах, тиунах или слугах в Ростове, о вкладах в ростовские монастыри, не упоминаются ростовские рати под московским командованием, нет ростовских бояр на службе в Москве. В Ростове есть одно село у Ивана Калиты и другое появилось при Дмитрие Донском. Однако наличие суздальского села у Юрия Даниловича Московского не ставит под сомнение суверенитет Суздаля. Ростовские князья ездят в Орду за ярлыками, заключают почетные брачные союзы и не выглядят ущемляемыми и несамостоятельными. Более того, неизбежные при формировании такой необычной практики, как управление по половинам, когда одна из них – суверенное княжение, а другая – часть великого княжения, столкновения и эксцессы также не отражены в источниках.

Фрагмент Жития преп. Сергия может свидетельствовать о нарушении суверенитета Ростова москвичами, посланными великим князем на Ростов «аки воеводы», но воспринять это позднее и эмоциональное известие как доказательство юридического перехода к Москве Сретенской половины Ростова около 1331 г., трудно. Не зря даже автор гипотезы В.А. Кучкин отметил у Епифания «явное несогласие с фактами»³². Для Жития Сергия политические детали давних событий не важны, не случайно, к примеру, ошибочно назван князем Радонежа в нач. 1330-х гг. Андрей: агиограф реконструировал прошлое, опираясь на современные ему реалии. Так же он поступил и в «ростовском» фрагменте, связав с памятью ростовцев о московских репрессиях-«насилованиях» при Калите реально зримую в конце 1410-х гг. утрату князьями Ростова политического влияния.

Второй аргумент в защиту идеи о власти Москвы над Сретенской половиной Ростова с 1331 г. – упомянутый Забелинский летописец. Установлен источник его казавшегося уникальным известия о переходе половины Ростова к Калите. Им оказалась Степенная Книга царского родословия, датируемая нач. 1560-х гг. Там читается тот же текст, причем не в грани, посвященной Ивану Даниловичу, а тоже в сообщении о покупке в 1474 г. половины Ростова Иваном III. Обнаруживший это А.С. Усачев, не найдя первоисточника этой статьи, предположил ее связь с не дошедшими до нас памятниками, близкими Ермолинской летописи и «Летописцу от 72-х язык»³³. Однако в известных списках этого известия нет.

На мой взгляд, возможно иное объяснение. Степенная книга возникла в период, с которым убедительно связывают возникновение нового подхода к факту, возможность его переосмысления и «доставания» во имя целостности и последовательности. Видимо, мы имеем дело с таким случаем: автор грани об Иване III увидел в летописи запись о покупке последней половины Ростова, и попытался уточнить, когда же к Москве перешла первая. И, как и мы, не нашел этого в источниках: ростовские архивы и часть памятников ростовского летописания, не пережили XV в.

И так же, как и нынешние ученые, он обнаружил вышеприведенный текст Епифания в Житии Сергия, широко использовавшемся авторами Степенной книги. По той же логике, он предположил, что речь у Епифания идет именно о переходе первой половины Ростова к Москве в княжение Ивана Калиты. Правда, в отличие от нынешних ученых, он не считал себя обязанным показать ход своих рассуждений. Видимо, идея о переходе Сретенской половины Ростова к Москве в 1330-х гг. — плод исторических реконструкций XVI в., не подтверждаемый ранними источниками.

Первая действительно специфическая черта управления Ростовским княжеством — это двуименные монеты, появившиеся в нач. XV в. Как установлено, на монетах Ростова с одной стороны чеканилось имя князя Сретенской линии, а с другой — Борисоглебской. И это вправду уникальное явление, явно отражающее особенности политического устройства княжества. Вместе с тем, как отмечал еще В.Л. Янин, чеканка монет доказывает суверенитет Ростова в нач. XV в. и опровергает версию о принадлежности Сретенской половины Москве — сретенские князья участвуют в ней так же, как и борисоглебские. Вероятно, эта новация — правление княжеством (а не только право на торговые и судебные пошлины) посредством двух ветвей — развивается уже после 1365 г., когда дети проигравшего в борьбе с Андреем Федоровичем Константина — внуки Ивана Калиты — не были лишены власти. Тогда обе ветви ростовского княжеского дома, (возможно, в первую очередь, — борисоглебская) были заинтересованы в закреплении прав на участие в управлении и в доходах, относя их возникновение ко временам своих родоначальников, имеющих общего предка — Василия Константиновича. Особо важна эта традиция была, вероятно, в кон. XIV — перв. четв. XV вв. В отличие от близкого с Андреем Федоровичем Дмитрия Донского, у Василия Дмитриевича не было никаких моральных обязательств перед ростовскими князьями. В результате ряда событий — пожара 1408 г. и разорения Ростова Едигеем, смерти старого князя Андрея, кровавой битвы у Лыскова 1411 г., мора 1420-х гг. — Ростов теряет силы. Дети Андрея Федоровича явно не обладали влиянием и авторитетом отца. Появление выпусков монет, содержащих символику только одной из сторон, видимо, свидетельствует о новых конфликтах между ветвями. Война 1425-1453 гг., основные боевые действия и несколько крупных битв которой произошли на землях Ростовского княжества, завершила дело прекращения его самостоятельности. Уже в 1433 г. мы слышим о московском наместнике в Ростове. И то, что можно было бы назвать Ростовским «великим» («большим», «старшим») княжением, в это время принадлежит уже Василию II, завещавшему жене Ростов «со всем». Старшая ветвь, бывшие владельцы Сретенской стороны Ростова, устраняются от правления и, судя по всему, покидают княжество. Глава борисоглебской линии Владимир Андреевич упомянут как князь Ростова в 1458 г., а в 1474 г., вместе с Иваном Ивановичем от лица всех своих родственников продает великому князю права на половину Ростова. Отсутствие указаний на название и

характер этой половины косвенно свидетельствует, что ее территориальная приуроченность в то время уже не важна. Это была уже не сторона города, а лишь половина неких княжеских прав. В 1430-70-х гг., видимо, действует отраженный в грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю порядок управления, предполагавший смесной суд судей великого князя и ростовских князей независимо от территориального признака. С уходом из политической реальности Ростова потомков Федора Васильевича противопоставление Сретенской и Борисоглебской сторон и княжеских линий, видимо, теряет смысл, и память о нем некоторое время хранится лишь в поминальном культе и в родословном предании.

Итак:

Сретенская и Борисоглебская линии ростовского княжеского дома (и, возможно, стороны города) судя по актам XV-XVI вв. связаны со Сретенским и Борисоглебским монастырями.

Названия сторон возникают и, вероятно, сама практика совместного правления формируется в посл. четв. XIV – нач. XV вв. в ходе соперничества между линиями князей – потомков Василия Константиновича. Тогда традиция, возводящая совместное владение городом к родоначальникам линий приобретает особую актуальность, отразившись в формирующемся родословном предании.

Мнение о переходе «Сретенской половины» Ростова к Ивану Калите возникает во втор. пол. XVI в.

До первых десятилетий XV в. Ростовское княжество сохраняет суверенитет и внутреннее единство, но с сокращением влияния и ресурсов княжества падает и власть главы княжеского дома. Это меняет внутренний баланс в сторону неустойчивого равенства двух княжеских линий, завершившегося переходом власти в Ростове от старшей ветви ростовских князей к великим князьям московским.

**

¹ Корсаков Д.А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 166. Перв. упом. – в «Историческом очерке Ярославской губернии», ЯГВ. 1850. № 6. Часть неофиц.

² Экземплярский А.В. Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888. С. 34-35, 37-38.

³ Там же, С. 60, 65. По замечанию В.А. Кучкина, существенной ошибкой А.В. Экземплярского было то, что «во всех князьях второй пол. XIII-XIV вв. он видел удельных соправителей», не ставя вопроса о коллективном суверенитете над территорией.

⁴ Временник ОИДР. Кн. 10. М., 1851. С. 38.

⁵ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 110.

⁶ Кучкин В.А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984.

- ⁷ Кучкин В.А. Земельные приобретения... С. 188-189.
- ⁸ Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 259.
- ⁹ Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.-СПб., 2009. С. 154.
- ¹⁰ Назаров В.Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 384.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 228.
- ¹² ПСРЛ. Т. 24. С. 194; Т. 8. С. 180.
- ¹³ Кучкин В.А. Земельные приобретения... С. 186, прим. 3. На самом деле, ц. Бориса и Глеба находится к юго-востоку от городской площади, Успенского собора и епископского двора.
- ¹⁴ Назаров В.Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси XV в... С. 387; Семенченко Г.В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // Вопросы истории. М., 1986. № 7. С. 171.
- ¹⁵ Ведомость церквам и священно-церковнослужителям г. Ростова 1776 г. (публ. Е.В. Завороткиной, Т. Ю. Субботиной) // СРМ. Вып. XV. Ростов, 2005. С. 58.
- ¹⁶ Титов А.А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 142.
- ¹⁷ Стрельников С.В. Землевладение... С. 60-61, 112, Стрельников С.В. Грамоты из архивов ростовских монастырей // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 3-12.
- ¹⁸ Антонов А.В., Баранов К.В. Акты из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. № 34, С. 42-43.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 1, стб. 442; АСЭИ. Т. III. № 281, 282. С. 298.
- ²⁰ Повесть о Борисоглебском монастыре [около Ростова] XVI века. Сообщение Х. Лопарева // ПДПИ. СПб., 1892. Вып. 86. С. 6.
- ²¹ Стрельников С.В. Землевладение... С. 117.
- ²² Там же. С. 60.
- ²³ Подобным образом – по внешним объектам – именовались, к примеру, Тверская и Белозерская полупятины Бежецкой пятины Новгородской земли (см. НПК., Т. VI. Стб. 35-564).
- ²⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 12; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России. М., 1986. С. 86-88; она же: Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI-XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 268.
- ²⁵ Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 19.
- ²⁶ Кучкин В.А. Формирование... С. 281-282, прим. 109; Стрельников С.В. Землевладение... С. 112.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 5. С. 216; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 257; Т. 1. Стб. 530.
- ²⁸ Кучкин В.А. Формирование... С. 284.
- ²⁹ Кучкин В.А. Формирование... С. 207.
- ³⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 15.
- ³¹ Городилин С.В. Ростовское боярство в первой трети XIV в. // ИКРЗ. 2001. Ростов, 2002. С. 87-92.
- ³² Кучкин В.А. Земельные приобретения... С. 188.
- ³³ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 247; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. С. 343.